ИНВЕСТОРЫ НИКУДА НЕ УХОДИЛИ

Евгения Квитко

Кризис выглядит несомненной катастрофой для того, кто с ним встречается впервые. Мнение главного исполнительного директора ИФК «Метрополь» Алексея Родзянко, безусловно, интересно тем, что это человек, непосредственно участвовавший в финансовых перипетиях, которые происходили в разных странах и в различные экономические периоды. Внук последнего председателя дореволюционной Госдумы Михаила Родзянко, Алексей Родзянко родился и первые 44 года своей жизни, до 1995-го, прожил в США, при этом около пятнадцати лет регулярно посещая по делам бизнеса Европу и развивающиеся страны. Затем приехал в Россию, и с тех пор, как раз последние 18 лет, вместившие все экономические и политические постсоветские катаклизмы, работает здесь.

С вашей точки зрения, можно надеяться на то, что инвесторы, ориентированные на работу в Европе, учитывая сложившуюся там кризисную ситуацию, «повезут» свои капиталы в Россию?
Сомневаюсь, потому что Россия — часть Европы, и если посмотреть на поведение инвесторов, то обычно, когда в Европе чихают, у нас сразу грипп. Другими словами, мне кажется, Россия слишком сильно связана с Европой, чтобы ее рассматривали, по крайней мере в краткосрочном плане, как альтернативу в плане вложений. Если отвлечься от рынка и проанализировать фундаментальные показатели, то они в России очень хороши — бюджет в профиците, резервов много, экономический рост очень приличный и инфляция на исторически низком уровне. В принципе, никогда показатели не выглядели лучше. И тем не менее рынки ведут себя как будто бы сейчас 2008 год.

То есть это чистая психология?
Я думаю, с одной стороны психология, а с другой — ожидание того, что европейские проблемы повлияют на глобальный экономический рост, и это в свою очередь серьезно скажется на сырьевых ценах. Соответственно благосостояние России, сильно привязанное к ним, существенно пошатнется.

Как конкретно сегодня отражается на российской экономике европейский кризис?
На макроэкономических показателях он, как видно, не отразился, но рынок определенно среагировал. Поживем — увидим. Если глобальный экономический рост действительно приостановится и будет еще один виток кризиса, то, естественно, цены на нефть и энергоносители упадут и это очень сильно повлияет на Россию. Сырьевые цены, в общем, и сейчас уже упали, но это произошло после того, как они сильно выросли. Так что, даже упав, они до сих пор находятся на довольно высоком уровне.

В разгар мирового кризиса, в 2008-м, гендиректор Ассоциации европейского бизнеса в России Франк Шауфф сказал мне в интервью, что, по мнению европейских компаний-инвесторов, в России, даже при влиянии кризиса, ситуация будет складываться лучше, чем в некоторых странах Европы и США. Как вы постфактум оцените эту точку зрения?
Мне так надо думать, потому что я здесь работаю и здесь инвестирую. На самом деле сейчас действительно можно так сказать, потому что в России вроде все в порядке с экономикой и во многих отношениях перспективы очень хорошие. И покупать здесь очень выгодно, потому что многие активы дешевы и в нормальном состоянии. Да, Россия действительно очень интересна инвесторам.

Правда, здесь, с точки зрения инвестора, не меньше тормозов и недостатков, чем перечисленных вами достоинств. Например, не очень хорошая инфраструктура, коррупция, непредсказуемость и т. д.
Недостатки эти скорее организационные, управленческие, политические. Вопрос состоит в том, насколько Россия готова принять инвесторов и насколько стабильна ее политическая система в долгосрочном плане. В прошлом столетии Россия была в ужасном состоянии — вся эта советская система, искажавшая принятие решений, распределение инвестиций и капитала, привела к тому, к чему привела. И за последние 20 лет Россия сделала огромные шаги вперед, но весь вопрос в том, насколько эти шаги устойчивы, а власти готовы продолжать этот путь.

«Приведу пример с TNK-BP. Если владельцы продадут компанию по той цене, которая публикуется в газетах (45–50 млрд долл. — «ББ»), то, считайте, они получили прибыль в 600% от своей инвестиции. Это очень эффективная инвестиция».

Как изменился деловой имидж России в глазах иностранных инвесторов в новой политической ситуации?
Он ухудшился, естественно, потому что сверху управляемая система демократии показала свою управленческую сторону. Вопрос о стабильности, то есть о том, насколько долго можно продолжать такую политику, очень остро поднят демонстрациями, которые показали недовольство общества.

«Сейчас хороший момент для прямых, непубличных инвестиций. В случае инвестиций портфельных, естественно, хорошо покупать, когда дешево. А сейчас дешевле, чем вчера. Проблема только в том, что, может быть, завтра будет еще дешевле».

Недовольство внутри страны. А для иностранных бизнесменов это тоже большая проблема?

Знаете, когда местные бизнесмены свои деньги посылают за границу, то иностранцы это замечают и считают, что свои у себя дома, наверное, лучше знают. И предпочитают осторожность: если местные не хотят инвестировать в своей стране, зачем же это делать нам? Нужно понимать, что это серьезная проблема.

При сверху управляемой демократии, быть может, мой вопрос покажется наивным. И тем не менее, что сделать российскому бизнесу, чтобы стать интересным для иностранного инвестора?

На самом деле российский бизнес уже становится более интересным. Те действия, которые предпринимаются, не очень заметны, однако они улучшают деловой климат и систему управления российскими компаниями. В частности, структурные преобразования рынка, улучшение его инфраструктуры, вступление в ВТО. Ну и даже просто дисциплина рынка — я имею в виду тот факт, что публичные компании регулярно поставляют информацию о результатах своей деятельности, она всем доступна и открыта. Все это постепенно, из квартала в квартал, улучшает культуру поведения на рынке. За те примерно 20 лет, что я здесь живу и работаю, положительная разница очень ощутима.

Чтобы еще активнее привлекать инвесторов, нужна, конечно, уверенность в будущем, стабильность системы. Сегодня все и всего

боятся. Почему встает вопрос о выборах? По той причине, что нынешние власти не уверены в том, насколько они защищены законом, зато уверены в том, что защищены своими местами. Поэтому за эти места держатся очень крепко. Вот это, с моей точки зрения, ключевой момент — люди должны себя чувствовать защищенными законами, которые действуют в стране, а не своим положением.

Активное вхождение государства в рынок во время кризиса власти объясняли необходимостью. Теперь вроде острота спала. Тем не менее государство доминирует. Насколько его прогрессирующее участие в российской экономике отталкивает потенциальных иностранных инвесторов?

Во-первых, нельзя сказать, что глобальный кризис окончен. Пока и в Соединенных Штатах, и в Европе, и в России — в России даже в меньшей степени — доминируют центральные банки и государственная фискальная политика. Это нужно, чтобы пациент не перестал дышать. В России поставками ликвидности на рынок занимается Центробанк, и это для финансовой системы заметно и нужно. Что касается госкапитализма в России, то последние шесть-восемь лет действительно возник такой феномен, когда государство консолидирует позиции в ключевых отраслях. А на государственные организации вроде Центробанка и госбанков смотрят как на опору.

В вашей интонации это звучит как позитив.

Скорее как момент, когда хочется уйти от всех рисков. Лучше спрятаться за госбанком, нежели за кем-либо еще.

После кризиса 2008–09 годов, как известно, многие инвесторы покинули Россию. Каковы объемы оттока?

Я не веду такую статистику, поэтому не могу сказать, какие именно объемы. Из прессы знаю, что за последний квартал тридцать с лишним миллиардов долларов экспортировано из России. Однако эта цифра может быть обманчива. Вполне возможно, что это просто ликвидные депозиты где-нибудь в Германии, Соединенных Штатах, в Лондоне, на Кипре, которые послезавтра могут вернуться, когда их владельцам, живущим в России, они понадобятся. Так что я бы не называл это бегством капиталов навсегда, и уж точно не все «с концами» ушло в недвижимость на юге Франции. Другой момент состоит в том, что при очень высоком торговом профиците в России все равно эти деньги некуда деть, российские валютные резервы растут. Это говорит о двух вещах. Во-первых, о том, что в России, может быть, нет достаточного количества интересных

Алексей Родзянко. 61 год. Полтора года назад, 1 ноября 2010-го, был назначен главным исполнительным директором ИФК «Метрополь». Его компетенция, как сообщалось в пресс-релизе ИФК, — управление инвестиционно-банковской деятельностью группы, в том числе зарубежными подразделениями в Лондоне, Токио и на Кипре, а также привлечение инвестиций с глобальных рынков капитала для финансирования международных проектов. Как говорилось в этом же пресс-релизе, по мнению главы группы компаний «Метрополь» Михаила Слипенчука, «привлечение г-на Родзянко активизирует использование лучших международных практик в деятельности Группы и усилит конкурентные преимущества ИФК «Метрополь» в качестве лидера российского финансового рынка.

И тогда же, в ноябре 2010-го, Алексей Родзянко был признан Легендой индустрии частного банковского обслуживания и управления большими капиталами по версии SPEAR'S Russia Wealth Management Awards (ежегодной премии в индустрии частного банковского обслуживания, управления большими капиталами и смежных индустрий).

До «Метрополя» Алексей Родзянко пять лет работал в банке Credit Suisse Москва руководителем департамента по работе с частным капиталом, но ушел, по его собственному заявлению, из-за того, что его планы не совпали с планами Credit Suisse по развитию бизнеса private equity. И даже более того, заявил: «Займусь поло-клубом, потом я его продам и уеду в Америку» (Родзянко — президент Российской федерации игроков поло и президент Московского поло-клуба). В России Родзянко живет около двадцати лет. Он родился в Нью-Йорке (дедушка — Михаил Родзянко, последний председатель Госдумы при Николае II). В 1973 году окончил Дартмунтский колледж со степенью BA. В 1980 году окончил Колумбийский университет (Нью-Йорк) со степенью MBA по специальности «финансы и бухгалтерия». С 1973 по 1978 год работал переводчиком в Госдепартаменте США, в 1981–1995 годах руководил службой поддержки клиентов Восточной Европы в Manufacturers Hanover/Chemical Bank, работал директором подразделения торговых операций в развивающихся странах. В 1995–1997-м — исполнительный директор московского United City Bank. В 1998–2001 годах — глава российской «дочки» банка J. P. Morgan. С 2001 года работал в Deutsche Bank, а в 2002–2006-м был председателем правления ООО «Дойче банк».

объектов для инвестиции, и она не способна абсорбировать эти деньги. Во-вторых, о том, что люди боятся сейчас вкладывать. На рынке преобладает психология, более склонная к страху, и все усилия сводятся к сохранению средств. Люди стараются инвестировать в то, что неизменно растет даже тогда, когда все падает, — на данный момент это облигации Германии и США.

А вернулись ли инвесторы в Россию после кризиса, чтобы реализовать какие-то крупные проекты?

Я считаю, что, если говорить о крупных, долгосрочных проектах, то они никогда и не уходили. В России и сегодня много иностранных инвесторов, которые охотно вкладываются. В частности, инвесторы, занимающиеся российской розницей, автомобилестроением, поставками сельскохозяйственной и строительной техники. У большинства показатели хорошие, и они продолжают инвестировать в Россию.

Приведу пример с TNK-BP. Если владельцы продадут компанию по той цене, которая публикуется в газетах (45–50 млрд долл. — **«ББ»**), то, считайте, они получили прибыль в 600% от своей инвестиции. Это очень эффективная инвестиция. Может быть, в таком случае и правда хорошее время для того, чтобы уйти. Если мы сейчас входим в период, когда цены на нефть расти не будут, то TNK-BP реализуют на высочайшей возможной точке.

Что вы советуете тем инвесторам, которые присматриваются сейчас к российским активам?

Сейчас хороший момент для прямых, непубличных инвестиций. В случае инвестиций портфельных, естественно, хорошо покупать, когда дешево. А сейчас дешевле, чем вчера. Проблема только в том, что, может быть, завтра будет еще дешевле. Портфельные инвестиции пока не падают в цене. А вот частные инвестиции — например, лицензии на право пользования недрами, какие-нибудь непубличные компании или объекты недвижимости — сейчас очень интересны, если есть деньги свои, не заемные. Другими словами, сейчас хорошо покупать, но делать это с малорисковыми средствами. Правда, таких средств немного в частном секторе. И когда общий климат настраивает на опасение крупных рисков, то все предпочитают бежать в малорисковые инструменты, то есть, как я сказал, облигации США и Германии. Сейчас у нас рекордно низкие доходности, и даже Германия — по-моему, позавчера (начало июня 2012-го — **«ББ»**) – продала краткосрочные бумаги с отрицательной доходностью. Иными словами, люди приплачивали за то, что они не потеряют деньги.

В одном из интервью вы сказали, что потенциал России — «быть одной из первых экономических держав в мире». На чем базируется такая вера?

Это же очевидно: посмотрите на огромную территорию России, на ее впечатляющие природные богатства, высокий уровень образования населения. Потенциал для роста бесспорно огромный. Вторая сторона этой медали — вопрос о том, почему этот потенциал не использован. Здесь возвращаемся к тому, что это вопрос больше политический и управленческий. Если бы мы сидели в крохотной пустыне с населением в 100 миллио-

нов человек, то возможности и перспективы были бы иными. Другой вопрос, что когда сравниваешь этот огромный потенциал с реальными экономическими результатами России, то вот здесь возникает грусть.

Россия слишком долго шла к вступлению в ВТО. Это действительно имеет сегодня для других стран то значение, о котором они столько лет говорили? Или актуальные проблемы глобальной экономики затмили этот факт?

Я оцениваю вступление в ВТО как серьезный позитив, потому что это еще один шаг к тому, чтобы Россия перестала себя чувствовать обособленной страной с собственными правилами игры. Это и есть та психологическая проблема, которая все время возвращала нас к недоразвитому, недореализованному потенциалу России. Я думаю, что играть в игру лучше в премьер-лиге, чем отделять себя и думать, что мы можем все сами. Кроме того, многие управленческие вопросы, которые сдерживали развитие, ВТО будет направлять в нужное русло. Собственно, соблюдение всеобщих правил игры нужно для того, чтобы в России сформировалась современная экономическая

система. Это заставит и российских политических лидеров стать более эффективными экономическими управленцами. Хотя бы потому, что России придется держаться ближе к правилам игры, которые господствуют в мире.

Мне кажется, правила игры сейчас серьезно меняются в связи с кризисом, все ломается и становится малопонятным. С точки зрения этого так уж актуальна наша готовность подчиняться когда-то выработанным правилам?
Тем более, я думаю, очень важно сейчас быть в одной связке со всеми остальными странами. В кризис принимаются решения, которые будут влиять на различные экономические процессы на много лет вперед. И России нужно участвовать в этом процессе все время, а не время от времени что-то покрикивать со стороны.

«За последний квартал тридцать с лишним миллиардов долларов экспортировано из России. Однако эта цифра может быть обманчива. Вполне возможно, что это просто ликвидные депозиты где-нибудь в Германии, Соединенных Штатах, в Лондоне, на Кипре, которые послезавтра могут вернуться, когда их владельцам, живущим в России, они понадобятся».

С точки зрения карьеры вы, безусловно, уникальный для России бизнесмен. Если сравнить вашу работу в США, затем в России в 90-е, в 2000-е, то как вы оцениваете сегодняшний этап? Он больше похож на стагнацию или прогресс? Он тяжелее или легче предыдущих периодов?
Он гораздо менее тяжелый с точки зрения финансового, бюджетного положения России. За последние 20 лет, повторюсь, сегодня наиболее низкий уровень инфляции и наиболее высокий уровень международных резервов. А также довольно высокий экономический рост. С другой стороны, вопрос политического застоя сегодня самый больной, потому что преемственность власти, передача из одной администрации другой администрации было всегда в этой стране слабым местом — и в Российской империи, и в Советском Союзе, и сейчас в Российской Федерации. Страх перед тем, что результат выборов может оказаться для них катастрофическим, есть у тех людей, которые сейчас у власти, и они этого допустить не хотят. И поэтому пытаются управлять процессом, а процесс от этого становится менее легитимным. Если он менее легитимный, то и власть менее легитимная. Как выйти из этого порочного круга — вот это задача.

Низкая инфляция и другие хорошие показатели — это, по-вашему, результат усилий экономических регуляторов или так сложилась ситуация?
Можно сказать, что присутствует и тот и другой фактор. А скорее, сложившаяся благоприятная ситуация дает возможность властям более спокойно и взвешенно принимать решения, укреплять институты. Та же банковская система, тот же Центробанк гораздо более стабильны, чем несколько лет назад.

Характеризуя актуальную ситуацию в российской экономике в целом и в финансовой системе, на чем бы вы акцентировались?
Финансовая система — коммерческие банки — сейчас себя хорошо чувствует благодаря стабильному экономическому росту, низкой инфляции и достаточно благоприятным условиям для ведения нормального бизнеса. Но эта ситуация очень резко отличается от рыночной, поскольку рынок сильно лихорадит. Если Европа сумеет справиться в ближайшее время со своими проблемами и успокоится, то и российский рынок успокоится. Если нет, то это предвещает неприятности — цены на основные продукты России, то есть сырье, быстро упадут. Сейчас все смотрят именно на то, чем разрешится эта ситуация. А то, что Россия сильно заражена эмоциями вокруг Европы, то с этим можно соглашаться или не соглашаться, но игнорировать это невозможно. Рынок этот факт демонстрирует каждый день. Хотелось бы думать, что это все пройдет и успокоится. И Россия тогда будет гораздо интереснее выглядеть, поскольку с точки зрения котировок активов она сегодня очень дешевая. Цены снижены примерно так, как это было в начале — середине 2009 года. Если же говорить об экономике в целом, то финансовая система очень ярко отражает состояние промышленности и показывает, что она сейчас себя достаточно хорошо чувствует в России. Производство и продажи растут, люди покупают, так что все в порядке. Судя по корпоративным результатам компаний (а они отчитываются каждый квартал и полугодие), они положительные. Заработки компаний — на исторически высоком уровне. Причем это касается не только российских компаний, но и американских и даже европейских. Это объясняется тем, что многие из европейских компаний меньше чем наполовину зависят от своей собственной экономики и в основном работают в растущих странах. Есть существенные опасения, что китайский рост может оказаться пузырем, и вот отсутствие этого роста очень сильно ударит по спросу на очень многие продукты. Если Китай действительно перестанет расти и там будет некая пауза, или, другими словами, кризис, то это сильно повлияет, может быть, и на Европу, на Россию, да и на весь мир. ■